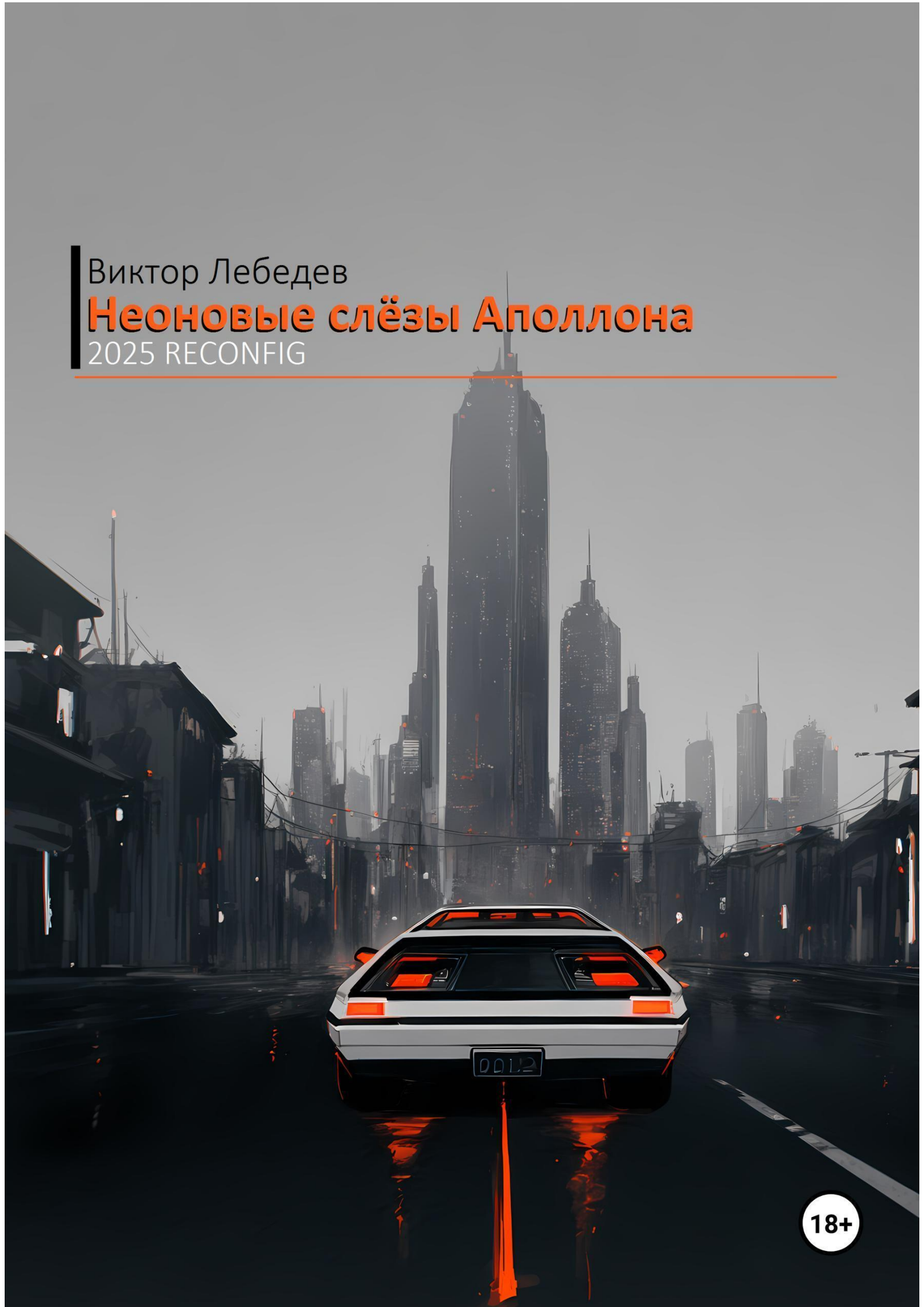

Виктор Лебедев

Неоновые слёзы Аполлона

2025 RECONFIG

18+

Виктор Лебедев

**Неоновые слёзы
Аполлона - 2025 Reconfig**

«Автор»

2025

Лебедев В.

Неоновые слёзы Аполлона - 2025 Reconfig / В. Лебедев —
«Автор», 2025

2077 год. Мегакорпорации держат мир в узде, а разумы людей – в ежовых рукавицах. Счастье признано психической болезнью и запрещено, а две транснациональные корпорации борются за очередной передел мира. Троице главных героев – студентке журфака Насте, рок-музыканту Армитиджу и комедианту Сойеру – предстоит дать бой гигантскому дзайбацу "Нисикава" и конкурирующей корпорации "Сципион", а заодно узнать правду о самих себе и истинных мотивах руководства.

© Лебедев В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие к переизданию 2025 года	5
0. Пролог	6
1. Критическая масса	9
2. Настя	11
3. Полуночный вояж	14
4. Глеющие ветви, кровавый асфальт	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Неоновые слёзы Аполлона - 2025 Reconfig

Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы.

– Томас Джозеф Даннинг

Предисловие к переизданию 2025 года

Этот текст – не вполне оригинальное издание «Неоновых слёз Аполлона», которое я выкачивал в августе 2023 года, а после, как и любой сегодняшний разработчик видеоигр из AAA-сегмента, долго доводил его правками и патчами до читабельного состояния. То, что вы прочтёте далее – это реконфигурация, которую я вынес в название книги. Ремейк, если хотите.

По сравнению с оригиналом, здесь в первую очередь изменены названия действующих сторон конфликта и имена персонажей (не всех), вкупе с остальными косметическими и нарративными деталями. Естественно, я прошёлся и по тексту в целом, чтобы его «причесать», привести к более чистому – но только внешне – виду. Сделать из говна конфетку, так сказать.

Что ещё поменялось? Обложка. Теперь это не перерисовка постера «Бегущего по лезвию 2049», а более соответствующий нарративу вид на DeLogean DMC-12, на котором ездит один из главных героев. Ну и других штук по мелочи.

Но хватит патчноутов. Пора рассказать, что вообще из себя представляют «Неоновые слёзы Аполлона» и как я к этому пришёл.

Изначально книга должна была называться «Глеющие ветви леса Блум», и писать я начал её ещё в 2021 году как пародию на одиозного Александра Полярного. К тому моменту он уже много лет как обещал выпустить «Глеющие ветви», анонсированные еще в середине десятых, и в итоге книга вышла в 2022 году. На волне новостей о скором релизе книги я и принял аварийное решение переименовать её во что-то иное, чтобы потом меня не нахлобучили за авторские права. Так за полчаса и придумалось новое название – ёмкое и загадочное. Несмотря на это, лес Блум как топоним останется в тексте как напоминание о том, чем «Неоновые...» не стали. Ну и как отсылка, коих тут много.

Я вам даже больше скажу: повествовательная структура романа в принципе напоминает видеоигру. Герои собираются в пачку, путешествуют, выполняют квест, в конце их ждёт главный босс. Постмодерн же, могу себе позволить. Здесь отсылка на отсылке сидит, игрой смыслов погоняет да деконструкцией побивает.

Ну и да, логика происходящего тут отсутствует по той же причине – пародия на Полярного и одновременно его деконструкция. В постмодерне живём, могу себе позволить.

В общем, приятного чтения.

0. Пролог

Небо над городом было цвета экрана телевизора, настроенного на пустой канал. Огромные башни, в которых размещались штаб-квартиры крупных корпораций, пронзали небосвод, будто титановые иглы. Нео-Норильск просыпался. Сквозь пыльно-серое небо пробивались утренние лучи такого же запылённого, бледного северного солнца.

Уже давно утихла пандемия коронавируса – с тех пор сменилось три поколения, и память об ужасных событиях сорокалетней давности давно уже подёрнулась блеклой плесенью, осев в анналах истории. Перестал народ бояться чипирования, улётся страх перед «начертанием числа зверя» – сменилась эпоха, сменилась парадигма. Теперь не говорили ни о какой «новой нормальности» – не с чем было сравнивать. Во главе всего стали могущественные корпорации, а прогресс науки и техники сменил общественную мораль. Теперь не было нужды в книгах о мятном капучино и разбитых сердцах, не было смысла мечтать о Нео-Токио и надеяться на светлое будущее – потому что не было уже светлого будущего. Никто не просил об этом. Но все понимали – так должно быть.

В тот день, 10 августа 2060 года, в небоскрёбе сибирского подразделения транснациональной корпорации «Нисикава Оптимум» – конгломерата-дзайбацу¹, основанного ещё в начале девяностых годов двадцатого столетия – проходил большой праздник. Отмечала юбилей Алёна Ширяева, входящая в совет директоров. Ей исполнилось пятьдесят пять, но до сих пор она была незамужней и бездетной. Её отчаянно пытались выдать замуж за сына друзей родителей, угрозами и посулами заставляя полюбить его – но Алёна была непреклонна. Её обрабатывали амнезиаками, к ней водили гипнотизёров и экзорцистов, даже клали в психушку – но она всё никак не могла забыть парня, с которым сорок лет назад познакомилась в соцсетях. Она любила его, как никого и никогда не любила ни до, ни после него. Он подарил Алёне надежду, которую у неё отобрали, и с тех пор они больше не виделись. Она была уверена, что влюблённость – это как коробка шоколадных конфет, но жестокая судьба втихоря съела все конфеты, оставив только кучку фантиков на столе.

Уже сорок лет Алёна жила без любви, посвящая себя искусству, коллекционированию компакт-дисков и карьере. Окончив университет, она устроилась в молодую тогда ещё корпорацию «Нисикава», и теперь уже лет пять как входила в её совет директоров. Надо отметить, что и в свои годы она выглядела молодо и свежо – у неё были длинные каштановые волосы, которые, правда, иногда опадали, будто листва, яркие зелёные глаза и тонкие губы. Алёна была маленькой и хрупкой женщиной, но при этом сильной духом. Сохранять трезвый ум и холодное сердце ей помогали тренировки в клубе единоборств, руководство филиалом корпорации и регулярные поездки в Сургутскую аркологию, где она танцевала брейк-данс возле гаражных кооперативов.

По случаю этого события в башне «Нисикава Сибирь» закатали праздник, размаху которого позавидовали бы и пиры английских королей времён Британской империи, и даже полные животной похоти и сатанинского угара оргии, что устраивали персонажи книг маркиза де Сада – и которые, по с. Весь небоскрёб гремел, как гигантская колонка. Играла музыка, сновали празднично одетые сотрудники и красивые гости. Сама Алёна танцевала в кабинете под «Пластиковую любовь», которую в молодости полюбила, и как раз заканчивала очередной разворот, счастливо улыбаясь взошедшему над Нео-Норильском солнцу, когда в кабинет зашла её секретарша Яна – молодая и эффектная блондинка с карими глазами и укреплёнными углеродным волокном губами.

– Да-да? Яночка, заходи, – приветливо поманила Алёна.

– Алёна Георгиевна, – затараторила Яна, – с юбилеем! Я хотела бы сообщить Вам, что по случаю торжества сюда, в Нео-Норильск приехал один известный актёр, прямиком из Великобритании.

– Но я не вызывала актёров! – остановив музыку, сказала Алёна. – Кто он? Как его зовут?

– Сойер. Он известный стенд-ап-комик. Театр одного актёра, так сказать, – закончила Яна. – Может, Вы вспомните это: «Новый год – это лишь...»

– ...очередные триста шестьдесят пять поводов грустить, – закончила цитату Алёна. – Да, я знаю его. Он что, новую программу заготовил?

Яна покачала головой, и Алёна тут же поняла: комик приготовил что-то необычное. Велев секретарше подождать в коридоре, она закрыла дверь в кабинет и принялась переодеваться. Надев своё старое красное платье, купленное ещё на выпускной бал, она направилась к лифту, в котором и спустилась в актовыв зал. Стулья были убраны, и аудитория стояла по углам, ожидая, пока приглашённый английский гость выйдет на сцену. Грянули фанфары, и сотрудники «Нисикавы» захлопали в ладоши. Под рёв аплодисментов на сцену поднялся пожилой мужчина с седыми кудрями и в круглых очках, из-под которых глядели большие и печальные голубые глаза. Он был одет в старинный твидовый костюм, одна рука была заменена бионическим протезом, а на горле виднелись послеоперационные шрамы. Под кожей чуть выше этих шрамов колыхалась зелёная полоска, показывающая уровень громкости его речи. Это и был тот самый актёр Сойер, про которого говорила Яна и который так любил печальные стендапы.

Сойер подошёл к микрофону и, словно заправский бизнес-тренер на семинаре, принялся разогревать толпу. Неотрывно глядя на Алёну, как удав на кролика, он спросил:

– Что такое Новый год?

– Очередные триста шестьдесят пять поводов грустить! – хором ответила толпа в зале.

– Правильно! А чем не является влюблённость? – продолжил Сойер.

– Влюблённость – это не коробка шоколадных конфет, – подняв руку, ответила Яна. – Это лишь игра, где никто не побеждает. Это как колода, которая заряжена неправильно, где туз не на месте.

– Всё-то вы знаете, девочка, – Сойер хитро улыбнулся. – А для чего дарят цветы?

– Чтобы они умирали медленнее! – вновь взревела толпа.

Ответы и реакция гостей мероприятия явно удовлетворили Сойера, и он, улыбувшись, продолжил своё шоу.

– Цветы медленнее умирают в вазе. А как определить, что человек умер внутри? – всё с таким же оживлением спросил актёр.

– Когда человек разочаровался в любви, – ответил кто-то из толпы, намекая на Алёну.

– Когда он танцует под «Пластиковую любовь»! – крикнула Алёна.

Сойер разочарованно поглядел на толпу.

– Я бы вам сказал, что вы правы, – начал он, – но по-настоящему мёртвый внутри человек знает, сколько будет 1000-7.

– 993, – всё с такой же счастливой улыбкой ответила именинница, вспомнив «Токийского гуля», популярного в её юности. – 1000-7, я умерла, прости.

На этом моменте зал просто взорвался овациями. Грянула песня «С днём рождения тебя» из колонок, а Сойер обвёл грустным взглядом собравшихся гостей. Программа состоялась, и пора было уже уходить. Но он не знал, что ему суждено остаться в этом городе очень надолго – Нео-Норильск уже поглотил его.

... Маленькая девочка ловко наклонилась к кустику, из-под которого игриво выглядывала шляпка белого гриба. Обернувшись к своему отцу, стоявшему позади, она с любопытством спросила:

– Пап, а что это за гриб?

– Это белый гриб, Настенька, – спокойно ответил отец. – Срезай, он съедобный.

Настя срезала гриб и бросила его в корзинку, после чего её внимание переключилось на другой, с оранжевой шляпкой.

– А это что за гриб?

– Это подосиновик, – всё таким же спокойным и ровным тоном ответил отец.

– А это что за огромный гриб растёт на горизонте? – Девочка с удивлением указала пальчиком вдаль. Отец проследил за направлением указания, и обомлел. Вдалеке над горизонтом поднималось пламенное грибовидное облако...

1. Критическая масса

Нео-Норильск на заре новой эпохи в своей истории не отличался стабильностью в умах людей. Разброд и шатания в обществе, охватившие город в середине 2040-х, привели к тому, что на улицах в одно время стали появляться странные люди, проповедовавшие идеи некоего пророка, которого все они называли не иначе как Василь Палыч. Этот Василь Палыч, согласно словам последователей и его собственным заверениям, ещё в середине 2020-х видел в Колумбии в городе Медельин некую зубастую богиню. По его словам, эта зубастая богиня выглядела как женщина лет тридцати со спутанными тёмными волосами и с рядами острых, будто иглы, зубов. Она объявила Василию Палычу, что тот является избранным вести людей к «последним дням и пришествию ада», и наделила его даром предвидения. Что это за дар такой – никто не знал.

Большинство обитателей Нео-Норильска относилось к Василию Палычу скептически – что ни говори, а он всё же был алкашом, и алкашом знатным, да к тому же страдал шизофренией. Вполне возможно, думали горожане, что и историю с зубастой богиней этот мужик просто выдумал, либо она явилась ему во время приступа белой горячки или в галлюцинациях. В одном, однако, Василь Палыч не солгал: в 2024 году он с тогда ещё живой своей супругой, которую все их соседи знали исключительно как тётю Соню, посетил Колумбию, заглянув заодно и в несколько соседних латиноамериканских стран – Перу, Венесуэлу и, естественно, Бразилию. Примерно тогда же он спился и тронулся головой – тётя Соня умерла от малярии, не дотянув пары дней до возвращения домой. После этого Василь Палыч и начал выстраивать своё учение о зубастой богине и последних днях.

На основе этой концепции сумасшедший алкаш и смог собрать вокруг себя кружок как минимум из ста последователей – и, что примечательно, все жили в его дворе. К 2050 году число их разрослось уже до полутора тысяч, что примерно равнялось численности населения одного спального микрорайона. Последователи зубастой богини вели свою деятельность преимущественно в интернете, ведя группы в социальных сетях, однако многие из них – в том числе и сам Василь Палыч – не стеснялись и живых выступлений. Каждую субботу по вечерам, независимо от погоды на улице, основатель культа и семеро самых первых из последователей устраивали во дворе его дома свои сходки, куда приглашалась паства и невольными свидетелями которых становились соседи, гуляющие во дворе дети да обитатели соседних домов. Сходки эти представляли собой следующее: Василь Палыч, восходя на импровизированную сцену, построенную из досок, ради которых пришлось распилить несколько скамеек, начинал провозглашать очередное своё пророчество – иногда монотонно и серьёзно, буравя взглядом гостей, иногда – с интонациями диктора новостей. Когда же пророчество так или иначе касалось последних дней, то он включал старый бит в стиле хип-хоп и начинал читать его как рэп. Подобные шоу веселили скептиков, а причастные к культу впадали от них в экстаз.

Сами же сектанты поначалу были лишь героями смешных мемов и нарезов видео. Василь Палыч и его последователи стали знамениты в соцсетях, хоть и не в том смысле, в каком хотели – большинство жителей Нео-Норильска потешались над ними, многие тайно, но большинство – открыто. Всё изменилось, когда баба Фрося, ближайшая советница Василия Палыча и по совместительству его соседка по лестничной клетке, объявила о том, что конец света не за горами, и нужно готовиться к нему. Как – она не уточнила, но всем по опыту прошлых десятилетий было ясно: сектанты, которых уже было две тысячи человек, готовят массовое ритуальное самоубийство.

По словам бабы Фроси и последователей «культа зубастой богини», который так и не обзавёлся самоназванием, конец света должен был наступить 1 ноября 2060 года, а свою акцию они планировали устроить в июле в центре города – прямо на площади перед штаб-квартирой

корпорации «Нисикава». Эта новость быстро добралась до руководства компании, которая к тому моменту уже фактически контролировала весь город, и глава её сибирского филиала, Алёна Ширияева, ещё в мае 2060 года вызвала к себе Василь Палыча, потребовав от него публично отречься от своих планов.

– Алёна Георгиевна, – захныкал алкаш, – как же Вы не поймёте? Конец света грядёт, мы должны помочь людям спастись! Зубастая богиня пожрёт нас – и мы обретём вечное блаженство! Ну как Вы...

– Василий Павлович, как давно вы были трезвы и в ясном сознании? – железным тоном спросила Ширияева. – Я вам отвечу: ни-ког-да. Вы или сейчас же публично, перед этой телекамерой, – женщина указала на стоящую на треноге камеру, – откажетесь от своих намерений, или так же публично будете казнены! Это и ваш город тоже, неужели вам не жалко своих же сограждан? И вообще – где вы, чёрт подери, раздобыли термоядерный заряд?!

Алёна включила запись на камере, вытащила из ящика своего огромного письменного стола, выполненного из гранита на заказ итальянскими мастерами, хромированный «Кольт 1911» и сняла его с предохранителя.

– Я жду вашего решения, господин алкаш, – таким же холодным тоном произнесла, глядя гостю в глаза, она. – Что вы выберете: передумать или умереть?

– Передумать, – с ужасом пролепетал Василь Палыч. – Но, это... по-своему, можно, а?

Алёна вопросительно посмотрела на мужика.

– «По-своему» – это как? – Женщина подняла бровь, положив пистолет на стол.

– Ну, это, мы в лес пойдём и там устроим всё, – ответил Василь Палыч. – Только наши ребята, и всё. Можно, а?

– Чудно, – Ширияева выдохнула, сложив пальцы домиком. – Но мне бы хотелось, чтобы вы чётко и ясно сформулировали свой отказ от ваших намерений. Это будет сегодня же вечером показано в новостях.

Василь Палыч смутился, но виду не подал. Вновь посмотрев в камеру, он, не мигая, проговорил:

– Я, Василь Палыч, пророк зубастой богини, чётко и ясно отказываюсь от своих намерений провести акцию с ритуальным самоубийством в центре Нео-Норильска. Я намерен перенести акцию в лесной массив в ста пятидесяти километрах и более к югу от города. Я хочу извиниться перед...

Он не успел договорить. Алёна выключила запись.

– Не нужно извинений. Вы сделали всё именно так, как я хотела от Вас. А теперь идите, и чтоб глаза мои вас больше не видели. Охрана! – крикнула Ширияева, и в кабинет тут же ворвались двое соло в тяжёлой чёрной броне и скрывающих лица противогазах и с автоматическими дробовиками наперевес. Схватив перепуганного Василь Палыча под руки, они потащили его к двери, после чего методично и хором выкинули алкаша из кабинета, придав дополнительного ускорения ему ударом колена под зад.

– Прекрасно, мальчики. Прекрасно, – довольно улыбнулась женщина. – «Нисикава» ещё и не такое переживёт. Мы не боимся фриков, мы просто не жалеем их.

Соло удалились, а Алёна встала из-за стола и поправила пиджак. Сегодня вечером ей предстояло выступить перед советом директоров и давать ежемесячный отчёт, и она понимала: на совете она должна быть неотразимо красивой и смертоносно эффектной – как акула, когда она несётся к одинокой жертве в океане. Собственно, именно акулой Ширияева себя и ощущала – акулой бизнеса, менеджмента и управления чужими судьбами. В тот день, 17 мая 2060 года, она и подумать не могла, что ритуальное самоубийство двух тысяч двухсот одного человека, которое произойдёт в том же году, но 6 августа, не просто негативно скажется на финансовых показателях «Нисикавы» на три года вперёд, но и всколыхнёт её, Алёны Георгиевны Ширияевой, жизнь.

2. Настя

Смерть искусства наступает тогда, когда ты позволяешь людскому мнению и требованиям менять то, что ты делаешь. Есть разница между тем — начальник ты или слуга. Есть разница между тем, даёшь ли ты людям то, что они хотят или то, что считаешь нужным давать, и она огромна.

– Мэрилин Мэнсон

Кромка ночного неба, искривлённая зданиями, подсвечивалась стробоскопами молний. Шелестели листья в парке возле «Нисикава-Плаза», ветер пел в проводах, и ему вторил монотонный низкий гул неоновых вывесок. И хотя город не спал, многие люди уже разошлись по домам. Лишь в зданиях корпораций горели редкие окна – некоторые из самых преданных их сотрудников, что ни говори, а любили оставаться на ночь поработать. Парк перед «Нисикава-Плаза» не спешил закрываться, но его тенистые аллеи, мягко освещённые желтоватым светом фонарей, уже патрулировали охранные дроны. Никому не запрещалось гулять или сидеть в парке ночью, но это и не одобрялось – общество воспринимало это как «ненужный романтизм» и «сентиментальную погань», которая сильно контрастировала с утилитарным рационализмом. Публичные проявления чувств клеймились, а за поцелуй в общественном месте в 2077 году можно было запросто схлопотать штраф. А штрафы для большинства людей, и особенно молодёжи, предрасположенной к любовному ветру в голове, были неподъёмными – от полутора до трёх тысяч нео-рублей. В новом мире не было места чувствам – и все это понимали.

Кроме одной девушки.

В ту ночь Настя долго не могла заснуть. Двадцатиоднолетняя студентка, вернувшаяся в родной Нео-Норильск из Москвы на каникулы, долго ходила по парку, пока наконец не нашла уютное место на скамейке под сенью сосен. Два раза мимо неё прошелестел дрон-охранник и, неодобрительно мигнув инфракрасным сенсором, улетел.

В двадцать лет Настя, учившаяся на журналиста, поняла, что она, если и останется в Нео-Норильске, будет писать именно в сентиментальных жанрах. Она решила, что станет первой «журналисткой счастливого человека» – будет писать о том, как живут простые люди, вести репортажи из народа для народа, описывать счастливые моменты жизни обывателей – словом, нести свет эмоций и чувств в мир. «Я раскрашиваю серый мир лучами светлых чувств!» – писала она в своих соцсетях, за что её и взяли на контроль. За стремление к счастью Настю едва не исключили из МГУ, а после скандального эссе о необходимости счастья в постиндустриальном мире киберпанка её вызвали на ковёр перед Советом директоров корпорации «Сципион», долгое время конкурировавшей с «Нисикавой». Решением Совета директоров Настю решили не исключать, но финансирование её учёбы и проектов корпорация всё же урезала. С сокращённой в полтора раза стипендией, которой теперь едва хватало на оплату обучения и счетов, Насте пришлось отказаться от подписки на завтрак, но, к счастью, она нашла способ поддерживать своё положение в такие непростые времена. Настя была не только творческой, но и умной девушкой – она воспользовалась опытом великих писателей и стала публиковать свои эссе в газетах и публицистических порталах. Поначалу это не приносило ощутимого дохода – пока она не написала новое эссе – о вреде счастья и его отрицательном влиянии на рост овощей. Это эссе озолотило будущую журналистку, а Совет директоров реабилитировал её.

Кампания по противодействию счастью уже давно приобрела глобальный характер: в 2077 году вступила в силу очередная новая редакция МКБ, определяющая счастье в разряд психических расстройств. Теперь счастье уже не было счастьем – оно называлось фелици-

тарным апокалиптическим синдромом, а всех некогда именовавшихся «счастливыми» теперь подвергали психиатрическому лечению. Не менее обширной была и диагностика фелицитарного синдрома: для этого крупными корпорациями развёртывались нейросети, анализирующие социальные сети и поведение людей; в разработки средств противодействия счастью инвестировались десятки миллионов долларов ежемесячно, и казалось, что вот он, золотой век человечества – век прагматизма и рационализма, век управления эмоциями и абсолютного контроля за разумом! Да, корпорации уже давно подчинили себе любовь, оставалось покорить лишь счастье.

Если бы не Настя.

Настя была невысокой светловолосой девушкой с ясными зелёными, будто изумруды, глазами. Её тонкие руки украшали серебряные браслеты, на левом запястье красовалась татуировка в виде лилии – эмблемы королевской Франции. Предпочитала одеваться в белое – но не по политическим или каким ещё мотивам, что было бы хоть сколько-нибудь понятно, а просто потому, что её всегда тянуло к белому. Связано ли это было с тяжёлым течением её фелицитарного синдрома, о наличии которого она невольно догадывалась, или ей просто нравился белый цвет – не знали об этом ни она сама, ни её родители, ни инвесторы, для которых Настя была лишь перспективным проектом.

В ту беспокойную ночь Настя, сев с блокнотом под фонарём в парке, долго думала, какой бы материал написать. Ещё со школьных времён она собирала своё журналистское портфолио, и продолжала это делать до сих пор. Когда мимо неё в очередной раз пролетел сторожевой дрон, она сразу же поняла: надо писать о надвигающейся на город грозе.

Открыв в блокноте новую страницу, Настя встряхнула ручку и начала писать:

«Не в первый раз наступает на Нео-Норильск гроза, возвещая своё грозное появление зрелищным парадом молний. Не в первый раз это природное inferнальное шоу разверзлось пред моими очами, и я, сим очарованная, смотрю и не могу оторвать взгляда от него. Что такое гроза? Почему дурманит она душу и пьянит взор мой девичий? Стало быть, гроза суть явление не столько природное, сколько мистическое. Ибо ничто взоры не притягивает так плотно, и не терзает душу страхом так сильно, как гроза. Ибо молния, что с небес посылаема, может поразить вмиг меня, пусть невинную, фелицитарным синдромом поражённую...»

Девушка подняла взгляд вверх. С ночного, чёрного будто ужасающая космическая пустота, неба, на блокнот упала капля воды. А за нею – ещё одна. Начинался дождь. Небо над Нео-Норильском заплакало, как бы написала сейчас сентиментальная Настя, которая сейчас, быстро сложив блокнот и ручку в сумочку, бежала к выходу из парка. Капли дождя истерически срывались с неба и разбивались об асфальтированные дорожки и о Настину голову, путаясь в её волосах и мыслях – разбивались так, будто и не капли дождя это вовсе, а самолёты-камикадзе, таранящие американский авианосец. Быстрым шагом покинув ставший таким неуютным из-за надвигающегося августовского ливня парк, она добежала до располагавшейся в первом этаже «Нисикава-Плаза» круглосуточной кофейни и, плюхнувшись на дерматиновый зелёный диванчик, наконец перевела дух.

В кофейне, кроме Насти, было ещё трое – бариста, чернявый кудрявый толстячок лет тридцати, да двое посетителей в деловых костюмах, что-то активно обсуждающих на испанском. Одного из них Настя узнала сразу – это был господин Гонсалес, один из инвесторов проекта «Настя-эссеистка». Он входил в совет директоров «Сципиона», возглавлял испанский филиал этой корпорации в Севилье, и был одним из наиболее щедрых инвесторов проекта – только за прошлый год его инвестиции в Настины учёбу и творчество составили более семи миллионов долларов. Второй человек не был виден: его лицо было спрятано под капюшоном дорогой чёрной мантии, наброшенной поверх делового костюма, а сам он выглядел довольно крупным.

Молодая журналистка заказала апельсиновый раф и, пока бариста готовил ей кофе, продолжила писать своё эссе о грозе. Лёгкая электронная музыка, гармонично слившаяся с ливнем, автоматной очередью барабанившим по стёклам, успокаивала и настраивала на творческий лад. Настя продолжила писать:

«О дождь! дождь, эта прекрасная и одновременно ужасная водная стена! Почему ты, о дождь, так печален? Не оттого ли, что похож ты на слезы, катящиеся по лику человеческого? Да – так и есть. Как слеза по ланите из ока течёт, печалью вызванная, так и струи дождя суть слёзы небесные, что небо проливает из-за прегрешений человеческих. Ибо никакой high tech не обрадует одновременно и человека, и небо, но всякий low life печалит и человека, и небо...»

Настя отвернулась к окну. Из-за плотной стены дождя за ним не было видно ни зги, но Настю это ничуть не беспокоило. Её ум занимало эссе о грозе и дожде, бушевавшими над Нео-Норильском, но где-то там, на задворках сознания, прятался один вопрос – вопрос, подтачивавший её всё время от первой буквы эссе:

Почему она пишет, как в восемнадцатом веке?

Сделав глоток апельсинового рафа, Настя вздохнула и снова повернулась к окну, где только что сверкнули яркие ксеноновые фары, и вскоре возле входа в кофейню припарковался по-настоящему антикварный автомобиль – «Делориан», выпущенный ещё в 1982 году.

«Быть того не может!» – мысленно ахнула Настя, увидев автомобиль, которому уже больше девяноста лет. В Нео-Норильске уже давно не было винтажных автомобилей – всякие «Приоры» и «Форды Фокусы» начала века уже давно уступили место новым атомным автомобилям, а настолько старые машины почти моментально привлекали внимание. И Настя, задержав ручку над блокнотом, замороженно наблюдала, как призрак Старого мира разворачивался на парковке, как «крылом чайки» открылась водительская дверца и как из машины кто-то вышел...

3. Полуночный вояж

В кафе-баре «Райская ночь» в одном из спальных районов Нео-Норильска сегодня был полнейший аншлаг. Никогда ещё за всю свою историю это маленькое заведение не привлекало столько гостей, сколько вечером 6 августа, когда там выступил известный рок-музыкант Армитидж. Популярен у жителей города этот выходец из Сиэтла был настолько, что билеты на его шоу были раскуплены спустя полтора часа после того, как его анонсировали ещё в мае 2077 года. И даже после этого руководство кафе-бара распорядилось выпустить ещё несколько сот билетов: в кассы агрессивно звонили и писали фанаты Армитиджа, бывшего вокалиста-клавишника группы «Плексиглас», с требованием продать им билет на концерт – их не останавливало даже отсутствие билетов в принципе. Иные просили выписать им их просто на клочке картона – так сильно было их желание посмотреть шоу.

Армитиджу было уже сорок лет, и со времён своей юности он жил сценой. В начале своего творческого пути он, как и многие музыканты в его возрасте, поднимал аудиторию, выступая в качестве диджея со своими композициями в набиравшем в 2060-х новую волну популярности жанре синтвейв в различных клубах и барах сперва родного Сиэтла, а потом и Найт-Сити, куда переехал вместе со своей девушкой, на которой вскоре женился. Но даже заведя семью, он не оставил музыку и сцену. Вместе с нею и парой своих друзей он и основал гибридную синтвейв-рок-группу «Плексиглас», где был на роли клавишника и второго вокалиста – не считая того, что он писал для группы песни. Разумеется, корпорация «Нисикава», контролирующая всю культурную жизнь Найт-Сити, не могла не заметить такого талантливого исполнителя, как Армитидж, и всячески старалась переманить его и его группу к себе. Регулярно к ним навещался агент лейбла «Нисикава Рекордс» и предлагал контракты различной степени выгоды, но всякий раз был вежливо посылаем куда подальше. В «Нисикаве» так и не узнали, что группа Армитиджа была давно подписана с другим лейблом, находящимся во владении конкурентов из «Сципиона» и на условиях, гораздо более выгодных, чем те, что предлагали хитрозадые менеджеры из «Нисикавы».

И вот, вечером 6 августа 2077 года в нео-норильском кафе-баре «Райская ночь» состоялось долгожданное шоу, стянувшее в один из спальных районов города ни много ни мало полторы тысячи человек. Руководство «Райской ночи» готовилось к любому количеству публики, но, когда в большой двор, окружённый несколькими древними хрущевками, стеклось такое количество людей, им пришлось выкатить на улицу огромный голоэкран и колонки и транслировать видео и звук из зала на него. В самом же зале была страшная давка – вместо возможных ста пятидесяти человек, которые тот мог вместить, туда набилось вдвое больше гостей.

И вот часы пробили девятнадцать часов, и на сцену, пафосно опустив голову, словно герой старого аниме, вышел Армитидж. Его пепельные волосы красиво опускались вниз, в прядях играли лазерные лучи. Музыкант встал за синтезатор, коснулся клавиш и, сыграв арпеджио, резко поднял голову, посмотрев в зал. Шоу началось.

Едва артист начал играть, толпа в зале и во дворе кафе-бара пришла в движение. Фанаты качались и прыгали в такт музыке, кто мог – подпевал, некоторые просто фотографировали представшего перед ними Армитиджа, улыбающегося со сцены, или просто качали горящими зажигалками в воздухе – особенно когда он заиграл «Давай полетаем» в синтвейв-обработке. Зал просто сошёл с ума.

– Спасибо вам всем! – радостно улыбаясь, крикнул Армитидж со сцены, когда шоу-программа закончилась. – Вы лучшие. Корпорациям никогда не победить счастье, ведь без счастья нет музыки! – И с этими словами клавишник ушёл со сцены.

... Час спустя после окончания концерта Армитидж сидел за рулём своего «Делориана» и ехал в центр Нео-Норильска. В очередной раз он радовался тому, что у него был контракт

с лейблом под крылом «Сципиона»: ему было предоставлено несравненно больше свобод, в отличие от конвейерных звёзд, штампуемых «Нисикава Рекордс» в промышленных масштабах и буквально находящихся в своеобразном рабстве. В частности, Армитиджу как фактически независимому артисту предоставлялось право самому планировать свой концертный график и географию туров, чем он сейчас и пользовался. Из Нео-Норильска ему затем предстояло направиться в Красноярск, и надлежало быть там через десять дней. После Красноярска путь его лежал в Сургутскую аркологию, а оттуда – в Ханты-Мансийск и «Росу». Сперва сорокалетний рокер не понимал, что это за «Роса» такая, пока во Владивостоке ему не объяснили, что РОСА – это Региональная ось Свердловск – Алматы, самый большой из городских суперкластеров Сибирского региона.

И вот теперь Армитидж подъехал к кофейне в первом этаже «Нисикава-Плаза». Дворники приятно скрипели по лобовому стеклу, а из старенькой магнитолы доносилась песня Дейва Роджерса про дежавю и ночные улицы. Накинув на голову капюшон куртки, музыкант выскочил из машины и побежал ко входу в кафе.

Внутри было тепло и уютно, играла спокойная, немного тягучая музыка. Было светло и почти безлюдно: лишь бариста, сидящий на стуле с портативным компьютером на коленях, да одиноко сидящая у окна русоволосая девушка, что-то пишущая в блокноте. Подойдя к стойке, Армитидж дважды постучал по деревянной панели и, когда бариста обратил внимание на него, сказал:

– Можно латте? Черничный, – уточнил артист.

– Черничный закончился, – расстроено протянул бариста. – Могу предложить вишнёвый. Вам на соевом?

– Давайте вишнёвый на синтетическом коровьем, – согласился Армитидж. Он поднёс ладонь к платёжному терминалу и рассчитался за кофе. Получив свой вожделенный напиток, музыкант окинул взглядом помещение. Девушка с блокнотом никуда не делась, лишь отодвинула пустой кофейный стакан.

Держа чашку и блюдце, рокер подошёл к столику и слегка смущённо спросил:

– Разрешите, я подсяду?

Девушка только кивнула в ответ. Получив согласие, Армитидж сел и, скинув куртку, под которой была слегка потёртая оранжевая футболка, посмотрел на сидящую напротив него незнакомку. Она тут же подняла голову.

– Вы ведь не местный? – с любопытством спросила она.

– Да, – ответил Армитидж. – Я из Сайлент-Хилла.

– Но для иностранца вы очень хорошо говорите по-русски, – заметила его собеседница. – У вас родители русскоговорящие?

– Да, – кивнул Армитидж. – Мои родители эмигрировали в тогда ещё существовавшие Соединённые Штаты. Их пригласили там работать – они были учёными, одними из лучших в Сиэтле...

– Но вы сказали, что из Сайлент-Хилла... – начала было девушка.

– Я переехал оттуда, когда женился.

– Тогда почему вы здесь один? Не совестно ли оставлять семью за океаном? – укоризненно спросила девушка.

– У моей жены немного другой профиль работы, – отстранённо ответил Армитидж. – Она звукоинженер на студии записи. В том числе работает и с моими песнями.

Девушка внимательно посмотрела в лицо мужчине.

– Постойте, – проговорила она. – Вы ведь... Вы ведь Армитидж, верно? Тот, про кого говорил весь город сегодня!

Рокер кивнул.

– Да, это я, – ответил он. – Как раз после шоу заехал.

– Я Настя, – представилась собеседница. Они обменялись рукопожатиями. – Что же вы здесь делаете без охраны, Армитидж?

– А мне её и не дали. Я не нуждаюсь в этих излишествах, – закрыв глаза, довольно произнёс он, сложив пальцы домиком. – Все эти райдеры, люксовые номера, обеды в элитных ресторанах, VIP-зоны и вот это всё – не для меня. У меня есть моя тачка, и мне этого хватает. Проживание, питание – всё это чисто моя забота.

– Лейбл не платит? – удивилась Настя.

– А зачем? – усмехнулся иностранец. – Чтобы попонтоваться и показать всем, какой я крутой? Нет, девочка, это не мой стиль, извини. Я не хочу быть как те поющие манекены из нисикавовской звёздной фабрики. Для меня музыка – это искусство, способ привлечь внимание людей к острым проблемам и обратить внимание на свои чувства, а не просто способ зарабатывания денег.

– То есть вы, будучи частью шоу-бизнеса, выступаете против него же? – ошарашенно спросила Настя, даже бросив ручку на стол. – Не лицемерно ли?

– Я против шоу-бизнеса, если он мешает артистам выражать себя и свои идеи так, как они того хотят. Ты посмотри хотя бы на девчонок из «Джеммини»! Поют о любви подростков, школьных буднях и прочем всём. Думаешь, это их инициатива? – тяжело выдохнул Армитидж. – Они чистой воды продюсерский проект, и я не удивлюсь, если окажется, что их там вообще искусственно выращивают.

– «Там» – это где?

– В комплексах «Нисикавы». У меня даже несколько песен по теме есть, – улыбнулся Армитидж. – Слышала, может, одну из них? Называется «Детки в клетке».

Настя слышала, но всё ещё не верила, что прямо сейчас перед ней сидит, попивая кофе, тот самый Армитидж, который уже давно поселился в её плеере.

– Вы увлечены конспирологией? – задала она ему очередной вопрос.

– Конспирология – лишь одна из тем моих песен, – ответил Армитидж. – Некоторые люди просто не хотят признавать, как на самом деле просто устроен этот мир, что выдумывают себе различные теории. А я что – я говорю с ними на одном языке. Пока слушают. – Он поднял взгляд и продолжил: – *Si vox est, canta!*

– А вы умны, – подняла бровь Настя.

Армитидж ничего не ответил. Лишь опустил взгляд в чашку и допил свой кофе. Пулёмётная очередь ливня постепенно стихла, и теперь по окну стучали редкие дожди, срывающиеся с козырька крыши. Музыкант выдохнул и закрыл глаза, стиснув пальцами виски. Хотелось лишь одного – расслабленно впитать в себя эту августовскую ночь. Покататься по улицам Нео-Норильска, может, даже прогуляться. Зайти в залитый неоном переулок, сделать селфи на фоне аляповатого граффити, надеть наушники и до утра слушать Боку. Позвонить домой – пускай и по защищённому каналу. Лишь бы унять это чувство неловкости и подкатившую странную тревогу, которые он просто не в силах был объяснить.

Армитиджа выдернул из размышлений голос Насти:

– Подвезёте меня в одно особое место? – спросила она.

– Что это за место? – спросил он.

– Лес за городом. В пятнадцати километрах к югу отсюда. – объяснила Настя. – Я его называю лес Блум. Там красиво, а ветви по ночам мягко светятся, будто тлеют.

– А почему я? – неожиданно грубо спросил Армитидж. – Я похож на бесплатное такси? Или это намёк?

– Вовсе нет! Просто сегодня был день рождения у нашей благотельницы, матери всего города, и движение автобусов отменили, – ответила Настя. – Так бы я доехала туда на маршрутке, туда ходит автобус №2517, но сегодня...

– Ладно, так и быть, – согласился рокер. – Довезу я тебя до твоего леса Блум. Но на большее не рассчитывай. Домой добираться будешь сама.

Поправив на себе куртку, мужчина вышел из кофейни и направился к машине. Снедаемый чувством неправильности происходящего, он молча сел за руль и включил старый цифровой видеорегистратор – из тех, для которых нужна была ещё карта памяти типа MicroSD. Он любил коллекционировать винтажную электронику вроде такой – был увлечён историей техники начала двадцать первого века. «Ну и как всё это понимать?» – спросил себя он, живо представив всё самое отвратительное, что может с ним сделать эта девушка, которую он буквально знает не больше часа.

Вскоре появилась и Настя. Одетая в белую рубашку и кремовые брючки-галифе, она села на переднее сиденье рядом с Армитиджем, пристегнулась и поинтересовалась:

– А вы только лишь музыкант?

– Раньше был хакером, – ответил Армитидж. – У нас их называли «нетраннерами». А потом я окончательно ушёл в музыку, женился на девушке из своей же группы, а теперь вот живём в Сайлент-Хилле. И у нас подрастает красавица дочка. – Гордо улыбнувшись, Армитидж вытащил из кармана куртки фотокарточку, на которой была изображена девочка лет десяти с короткими каштановыми волосами и в синем худи, держащая в руках что-то наподобие старинного компьютера в клавиатуре – какие обычно выпускались в 1980-х годах. Только к этому компьютеру был приделан монитор и пара странных модулей.

– Это Клара, – всё с той же улыбкой сказал он. – Юное дарование с серьёзным уклоном в технику и программирование. Держит мою кибердеку.

– Кибердеку? – переспросила Настя.

– Да. Кибердека, или киберпространственная дека – это портативный компьютер, но необычный, – начал объяснять музыкант. – С помощью кибердеки пользователь может напрямую подключаться к сети благодаря нейросвязи. Дека подключается к мозгу через нейроинтерфейсы. Так и работает.

С этими словами Армитидж развернул голову и убрал волосы, прикрывавшие вмонтированные в левый висок компьютерные разъёмы.

– Вот так они и выглядят, – усмехнулся он. – А ты, Настя, чем занимаешься?

– Я студентка в МГУ, – ответила девушка. – Будущая журналистка.

– И сейчас ты скажешь, что будешь брать у меня интервью для практики, – Армитидж рассмеялся и завёл двигатель. – Ладно, поехали, куда там тебе надо.

– В лес Блум. Я сама покажу дорогу, – кивнула Настя.

Шелестя шинами по мокрому асфальту, бледно-серый «Делориан» отъехал от небоскрёба и, повернув в сторону одной из центральных улиц города, освещённой яркими фонарями, устремился вдаль, к южной окраине Нео-Норильска. Мимо неслись небоскрёбы и автобусные остановки, сменившиеся затем длинными и высокими жилыми домами, продолжавшимися ещё несколько кварталов. Вдали прогреготало надземное метро, на дороге попадались редкие машины. Из магнитолы играла старая и меланхоличная песня, будто напоминающая Армитиджу о временах, когда жизнь была проще, когда чувства были легальны и люди умели любить – о временах, которые он знал в лучшем случае по старым фильмам и не менее старым видеоиграм, по книгам и песням. Вскоре город кончился, и трасса побежала вдоль усеянных вереском равнин.

Краем уха клавишник услышал, как Настя, будто убаюканная мягким гулом двигателя, подпевает играющей в машине песне: «Ночь, ночь, ночь, полуночный вояж... Мы несёмся с тобой по дороге ночной...». Армитидж вздохнул. Не столько от усталости, сколько от того, насколько эта песня цепляет его за душу. Будто в приступе фантомной ностальгии, Армитидж представил, как он, будучи подростком, едет вдоль ночных улиц на велосипеде, слушая эту

песню на кассете. Ему хотелось вернуться в детство – но не в своё, а в прошлое его родителей или даже их родителей, которого он, рождённый в 2037 году, увы, не застал...

Из размышлений его вырвал голос Насти.

– Приехали, – звонко сказала она. Армитидж вдавил педаль тормоза в пол, и машина остановилась. Настя открыла дверцу и отстегнулась, но выходить не спешила.

– Поезд дальше не идёт, – смеясь, отозвался рокер. – Просьба покинуть транспорт.

– Подожди, – остановила его девушка, открыв рюкзак, из которого она извлекла бумажный свёрток. – Вот, держи. Я хочу подарить тебе кое-что. Я знаю, тебе фанаты часто что-то дарят, поэтому возьми этот небольшой сувенир. Это когда-то принадлежало моей бабушке, а потом она отдала её мне.

– Спасибо, – отстранённо проговорил Армитидж, разворачивая бумажную упаковку, в которую была завернута небольших размеров книга.

– Тогда я пойду. Пока, Армитидж! Спасибо, что подвёз! – крикнула Настя на прощанье и пошла в сторону леса.

Армитидж осмотрел подарок. Небольшая и тонкая книжка в твёрдом чёрно-белом переплёте сейчас лежала у него в руках. На чёрном фоне в верхней части обложки красовались белые буквы: «Александр Полярный. МЯТНАЯ СКАЗКА».

С минуту Армитидж, ничего не понимая, пялился вдаль, после чего открыл книгу и, развернув страницами вниз, пролистал. Ничего внутри не лежало – ни записок, ни ещё какой мелочёвки. Перевернув книгу, рокер вновь пролистал её, пока на титульной странице не увидел написанное синей ручкой послание: «Прочти её, когда сможешь. Нео-Норильск, 10 авг. 2077». Убрав подарок в рюкзак, кинутый на заднее сиденье, Армитидж развернул машину и направился обратно в город.

4. Тлеющие ветви, кровавый асфальт

Рано или поздно обнаруживаешь, что Леди Удача – обыкновенная проститутка, а у тебя закончились наличные
– Макс Пэйн

Рёв мотора за спиной Насти отдалился и вскоре затих вовсе, и девушка осталась одна в окружении светящихся деревьев. Нежный свет луны ниспадал на опушку, залитую мягким голубым сиянием кедров. Когда-то, семнадцать лет назад, в паре сотен километров отсюда здесь подорвали себя последователи культа Зубастой Богини, и долетевшая из эпицентра термоядерного взрыва радиация сделала деревья светящимися в ночи. Настя любила приходить сюда летними ночами, гулять по волшебно сияющему пролеску и мечтать о высоком. Хотя находиться долго здесь было ещё нельзя, Настя не обращала на предупреждения внимание – при ней всегда был запас радиопротекторов и таблеток для ускоренного выведения радиации из организма. Вот и сейчас она, подняв глаза к небу, брела знакомой тропкой на поляну вереска. В голубоватом сиянии облучённых берёз нежные розовые цветы вереска особенно очаровывали её взор.

Именно из-за особенностей этой лесополосы Настя и прозвала её Лесом Блум. Радиоактивное свечение деревьев успокаивало мятущуюся душу Насти, умом понимавшей свою дефектную сущность. Но волновало её не только это. Она всё ещё не понимала, почему некоторые – она сама, её одноклассница Алина, даже Армитидж – всё ещё испытывают эмоции и чувства. Неужто она и правда поражена фелицитарным синдромом, который ещё не диагностировали? Или ей так в мозг даёт местная радиация?

Настя приняла радиопротектор. Стало немного легче, и она, всё в таком же экзистенциальном смятении, села на землю и достала свой верный блокнот, принявшись рисовать. Её ручка уверенно скользила по листу дорогой кремовой бумаги, оставляя штрих за штрихом; луна подсвечивала лист, будто настольная лампа, а окружающие светящиеся деревья поддерживали атмосферу мистерии. Настя была окрылена вдохновением, упивалась им, рисуя – и рисунок её в волшебном радиоактивном свете деревьев будто наделялся какой-то своей особой магией. Конечно, этой магией вполне могло быть и проникающее в бумагу излучение, остававшееся здесь и семнадцать лет спустя после самоподрыва членов культа Зубастой Богини, но находиться здесь уже было не так опасно.

Настя встала и, развернув листок рисунком кверху, подставила его под лунный свет. В бледном сиянии луны она, опьянённая вдохновением, любовалась портретом Армитиджа, грустно улыбавшегося со сцены...

Армитидж въехал в город. Ночной Нео-Норильск, уже смоченный недавним ливнем, вновь встречал рокера своими неоновыми огнями и бьющим в нос петрикором. Медленно ехал его белый «Делориан» по проспекту, прежде чем свернуть направо, на улицу Некрасова. Там, во дворах этого спального района, среди множества сохранившихся ещё с прошлого века «хрущёвок», стояла небольшая мини-гостиница «Полюс» – четырёхэтажное здание в стиле минимализм, построенное ещё в начале 2010-х; и в этой самой гостинице Армитидж и снимал номер на время концерта.

Знал бы он, что добраться до гостиницы этой ночью ему будет не суждено...

Едва музыкант вышел из машины, его тут же обступили трое крепких азиатских молодчиков с татуировками драконов на шеях. Это были представители якудзы – японской мафии, недавно оккупировавшей соседний район. Все трое были одеты в чёрно-красные кожанки, на поясах в свете фар и фонарей угрожающе поблескивали цепи – местная нео-норильская якудза использовала их как оружие.

– Вам чего надо, парни? – испуганно спросил Армитидж, увидев, как его осматривает самый крупный из парней. Очевидно, он был среди всей троицы главным – он единственный носил на голове красную повязку с белым узором и латунный каскет.

– Ты не из наших, парень, – зловещим тоном ответил японец. – Ты заехал на чужой район, и тебе тут не рады. Мы не любим чужаков.

– Ну вообще-то я тут номер в отеле снимаю, – так же спокойно, не теряя самообладания, парировал артист. – Если вам не нравится, то завтра меня уже здесь не будет.

Другой якудза, с выбритой налысо головой, ходил кругами вокруг машины Армитиджа, хищно осматривая её – как удав смотрит на кролика.

– Классная тачка\», – сказал он. – Теперь она наша.

– Это почему ещё? – спросил Армитидж с вызовом.

– Ну смотри: ты у нас на районе, так? Так. Это наша дань за то, чтобы ты мог спокойно тут оставаться. Сечёшь?

– А по-другому дань брать не можете? Может, вам денег дать?

– Денег нам не надо, у нас их и так хватает, – ответил главарь. – Давай тачку, и мы не тронем тебя.

– Ага, шас! А на чём мне в Красноярск ехать? – огрызнулся артист. – Да пошёл ты!

Якудза, только что получивший такой резкий ответ, нахмурился и вынул из кармана каскет, тут же надев его на кулак.

– Не нравишься ты нам, гайдзин, не нравишься, – произнёс он. – У нас за такое и поплатиться можно. – Сказав это, бритоголовый размахнулся, порываясь ударить Армитиджа в челюсть, как тот перехватил и вывернул его руку, ударив якудза коленом в локоть. Бандит заверещал от боли, а Армитидж лишь отвернул рукава куртки и слегка потрянул руками. Тотчас же из его локтей с тихим свистом выскочили длинные, блестящие в свете аргоновых ламп, клинки. Бритоголовый, корчась от боли и придерживая руку, замер; глаза его округлились, и он в ужасе сделал шаг назад.

– Какого... – слова застряли у него в горле. – Парни! Бей его! – крикнул он, но два его товарища всё ещё стояли, будто громом поражённые. А над ними всю грохотал гром – гром реальный, неметафорический.

Бандиты схватились за оружие, но сделать ничего не успели. Лишь один якудза, с руками, покрытыми до плеч татуировками в виде драконов и ёкай – японских духов – успел выхватить револьвер и выстрелить, но промахнулся, и в следующий же миг лишился пистолета вместе с частью правой руки.

– Ах ты ж ублюдок! – заорал он, прижимая кровоточащий обрубок руки к телу и обматывая культю кожаной жилеткой, пока его друзья погибали. Раскидав двух других якудза по сторонам, рокер направился к лишённому руки бандиту и, подняв его на ноги, держа за ворот, прошипел:

– Скажешь своему боссу, что больше он дани с гайdziнов не получит.

– Ты ещё ответишь за это, – хрипло ответил тот. – И тебе не поможет удача.

Армитидж выпустил раненого, и тот упал на землю, будто мешок картошки. А через минуту сцену побоища уже окружали такие же якудза – в кожаных жилетках и красных повязках на головах. Всего их было девятеро, и артист уже мысленно готовился биться насмерть, как из тени прямо к кругу подошёл человек примерно его возраста в дорогом красном костюме, расшитом золотым узором в японском стиле. На нём были сверкающие в лучах фонарей зеркальные солнечные очки, лицо его украшала борода, на поясе в ножнах висела катана. Это, вне всякого сомнения, и был босс – и Армитидж, ещё недавно разогнанный адреналином и яростью битвы понял: это серьёзный человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.